

(1) Несомненно, Дюма останется ещё на многие годы любимцем и другом читателей с пылким воображением и с не совсем остывшей кровью. (2) Но, увы, надолго сохранится и убеждение в том, что большинство его произведений написаны в слишком тесном сотрудничестве с другими авторами.

(3) Повторять что-нибудь дурное, сомнительное, позорное о людях славы и искусства было всегда лакомством для критиков и публики. (4) Помню, как в Москве один учитель средней школы на жадные расспросы о Дюма сказал уверенно:

— Дюма? (5) Да ведь он не написал за всю жизнь ни одной строчки. (6) Он только нанимал романистов и подписывался за них. (7) Сам же он писать совсем не умел. (8) И даже читал с большим трудом.

(9) Конечно, всякому ясно, что выпустить в свет около пятисот шестидесяти увесистых книг, содержащих в себе длиннейшие романы и пятиактные пьесы, — дело немыслимое для одного человека, каким бы он ни был работоспособным, какими бы физическими и духовными силами он ни обладал. (10) Если мы допустим, что Дюма умудрялся при титанических усилиях писать по четыре романа в год, то и тогда ему понадобилось бы для полного комплекта его сочинений работать около ста сорока лет самым усердным образом, подхлёстывая себя неистово сотнями чашек крепчайшего кофе. (11) Да. (12) У Дюма были сотрудники. (13) Например: Огюст Маке, Поль Мерис, Октав Фейе, Е. Сустре, Жерар де Нерваль, были, вероятно, и другие...

...(14) Но вот тут-то мы как раз и подошли к чрезвычайно сложным, запутанным и щекотливым литературным вопросам. (15) С самых давних времён весьма много было сказано о вольном и невольном плагиате, об использовании чужих, хотя бы очень старых, хотя бы совсем забытых, хотя бы никогда не имевших успеха сюжетов.

(16) Коллективное творчество имеет множество видов, условий и оттенков.

(17) Во всяком случае, на фасаде выстроенного дома ставит своё имя архитектор.

(18) А не каменщик, и не маляры, и не землекопы.

(19) Чарльз Диккенс, которого Достоевский называл самым христианским из писателей, иногда не брезговал содействием литературных сотоварищей, каковыми бывали даже и дамы-писательницы: мисс Мэльхолланд и мисс Стрэттон, а из мужчин — Торкбери, Гаскайн и Уилки Коллинз. (20) Особенно последний, весьма талантливый писатель, имя и сочинения которого до сих пор ценны для очень широкого круга читателей.

(21) Распределение совместной работы происходило приблизительно так: Диккенс — прекрасный рассказчик — передавал иногда за дружеской беседой нить какой-нибудь пришедшей ему в голову или от кого-нибудь слышанной истории курьёзного или трогательного характера. (22) Потом этот намёк на тему разделялся на несколько частей, в зависимости от количества будущих сотрудников, и каждому из соавторов, в пределах общего плана, предоставлялось широкое место для личного вдохновения. (23) Потом отдельные части повести соединялись в одно целое, причём швы заглаживал опытный карандаш самого Диккенса, а затем общее сочинение шло в типографский станок. (24) Эти полушутливые вещицы вошли со временем в полное собрание сочинений Диккенса. (25) Сотрудники в нём переименованы, но вот беда: если не глядеть на фамилии, то Диккенс сразу бросается в глаза своей вечной прелестью, а его сотоварищей по перу никак не отличишь друг от друга.

(26) В фабрике Дюма были, вероятно, совсем иные условия и отношения. (27) Прежде всего надо сказать, что если кто и был в этом товариществе настоящим работником, то, конечно, он, сорокалетний, неутомимый, неукротимый, трудолюбивейший Александр Дюма. (28) Он мог работать сколько угодно часов в сутки, от самого раннего утра до самой поздней ночи, иногда и больше.

(29) Из-под пера так и падали с лёгким шелестом бумажные листы, исписанные мелким отличнейшим почерком, за который Дюма обожали наборщики (кстати, и его восхищённые первочитатели).

(30) Говорят, он пытел и потел во время работы, ибо был тучен и горяч. (31) По его бесчисленным сочинениям можно судить, какое огромное количество требовалось ему сведений об именах,

характерах, родстве, костюмах, привычках действующих персонажей. (32)Разве хватало у него времени просиживать часами в библиотеке, бегать по музеям, рыться в пыли архивов, разыскивать старые хроники и мемуары и делать выписки из редких исторических книг? (33)Если в этой кропотливой работе ему помогали друзья (как впоследствии Флоберу), то оплатить эту услугу было бы одинаково честно и ласковой признательностью, и денежными знаками или, наконец, и тем и другим.

(34)Правда, Дюма порою мало церемонился с годами, числами и фактами, но во всех лучших его романах безошибочно чувствуется его собственная, хозяйская, авторская рука. (35)Её узнаёшь и по характерному искусству диалога, по грубоватому остроумию, по яркости портретов и быта, по внутренней доброте... (36)Правда и то, что очень часто, особенно в последние свои годы, Дюма прибегал к самому щедрому и самому бескорыстному сотруднику — к ножницам. (37)Но и здесь, сквозь десятки чужих страниц географического, этнографического, исторического и вообще энциклопедического свойства всё-таки блистает прежний Дюма, пылкий, живой, увлекательный, роскошный.

(38) Огюст Маке заявил публичную претензию на Дюма, которому он чем-то помог в «Трёх мушкетёрах». (39)Оттуда и пошёл разговор о помощниках. (40)Но после первого театрального представления одноимённой пьесы, переделанной из романа и прошедшей с колоссальным успехом, Дюма, под бешеные аплодисменты и крики, насильно вытащил упирившегося Маке к рампе, потребовал молчания и сказал своим могучим голосом:

— Вот Огюст Маке, мой друг и сотрудник. (41)Ваши лестные восторги относятся одинаково и к нему, и ко мне.

(42)И у Маке потекли из глаз слёзы.

(По А.И. Куприну)